

© 2017 г.

В.А. КРЯЖКОВ

ТРАДИЦИОННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ¹

Кряжков Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Москва, Россия) (E-mail: Vladimir-Kryazhkov@yandex.ru).

Kryazhkov Vladimir A. — Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of Constitutional and Administrative Law, National research University “Higher school of Economics” (Moscow, Russia) (E-mail: Vladimir-Kryazhkov@yandex.ru).

Аннотация: в статье анализируются международно-правовые и конституционно-правовые начала традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, обосновывается их право на традиционный образ жизни, раскрывается содержание данного права в соотношении с другими правами указанных народов, аргументируется возможность его защиты посредством конституционной жалобы.

Abstract: the article analyses international legal and constitutional-legal principle of the traditional lifestyle of the indigenous peoples justified their right to a traditional way of life, the content of this right in relation to the other rights of these peoples, the article argues for the possibility of protection through the constitutional complaint.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, право на традиционный образ жизни, конституционная жалоба.

Key words: indigenous peoples, the right to a traditional way of life, a constitutional complaint.

Предваряя конституционно-правовой анализ традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации², хотелось бы пояснить, что обращение к этой проблематике обусловлено не только тем, что указанное понятие отражается в Конституции РФ (п. “м” ч. 1 ст. 72) и законодательстве и потому нуждается в истолковании. Но и адекватностью восприятия данного образа жизни обществом, о чем могут свидетельствовать отдельные высказывания о коренных малочисленных народах и их жизнедеятельности. К таковым, например, относится неоднозначная идея губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа о целесообразности сокращения в округе оленьего стада в семь раз (до 110 тыс. голов) и замены тундрового оленеводства изгородевым (оно связано с содержанием оленей в загонах) с использованием искусственных кормов³. По существу, рассматривается возможность

перевода ненцев-оленьеводов на оседлость, и отрицается их кочевой образ жизни как уникальная многовековая этнокультурная ценность.

Заставляют задуматься и публикации, в которых признание мировым сообществом прав коренных народов, в том числе на самоопределение, земли и природные ресурсы, вызывает недоумение, а их законные притязания на компенсации трактуются как шантаж и вымогательство. Попытки данных народов консолидироваться при защите своих прав определяются как угроза компаниям и государству⁴. Из этого же ряда рассуждения о коренных малочисленных народах как рантье, о том, что они якобы под видом традиционного рыболовства осуществляют промышленное рыболовство, забирают всю квоту промышленного лова⁵.

¹ При написании статьи использовалась нормативно-правовая база СПС “КонсультантПлюс”.

² В настоящей статье речь идет о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации согласно их Перечню, утвержденному распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. № 536-р (см.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 17 (Ч. 2). Ст. 1905).

³ См.: Брицкая Т. “Мы остались без оленей, и о нас забыли” // Новая газ. 2016. 5 окт. С. 16, 17.

⁴ См.: Котин М., Рагозин Л., Голунов И., Дмитриев А. Возвращение первородства // Русский Newsweek. 2008. № 3. С. 16–21.

⁵ См.: Известия. Экономика. 2017. 24 апр. Анализ данной ситуации, проведенный О.А. Мурашко, показал, что традиционное рыболовство по Камчатской зоне на протяжении нескольких последних лет никогда не превышало 2–3% от общего допустимого улова (см.: Мурашко О.А. Десятилетие искусственного противостояния промышленного и традиционного рыболовства. Две точки зрения // <http://www.csipn.ru/glavnaya/novosti-regionov/3280-desyatiletie-iskusstvennogo-protivostoyaniya-promyshlennogo-i-traditsionnogo-rybolovstva-dve-tochki-zreniya#.WTD5DGjyjs>).

Повод к размышлению дает и практика отечественного правового регулирования “аборигенных” отношений, которая слабо воспринимает международно-правовые стандарты и развивается недостаточно последовательно с точки зрения гарантий прав коренных народов на традиционный образ жизни (о некоторых дефектах этого регулирования будет сказано ниже).

Насколько правомерны такие подходы с позиций международных и конституционных установлений, а также признания права коренных народов на традиционный образ жизни, каково его содержание и возможна ли защита данного права средствами конституционного правосудия, и прежде всего с использованием конституционной жалобы, — вопросы, на которые хотелось бы дать ответы в настоящей статье.

Международно-правовое признание традиционного образа жизни коренных народов

Права человека на свободу, уважение личной и семейной жизни, права народов на самоопределение и этнических меньшинств на пользование своей культурой, права национальных меньшинств на сохранение самобытности, закрепленные в международно-правовых актах⁶, сами по себе подразумевают возможность коренных народов вести традиционный образ жизни.

Вместе с тем современное международное право непосредственно признает традиционный образ жизни коренных народов как особо охраняемую ценность. В частности, Конвенция МОТ № 169 “О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах” (принята 7 июня 1989 г.)⁷ рассматривает племенной образ жизни в качестве основополагающего критерия для выделения групп сообществ, на которые распространяются положения настоящей Конвенции (ч. 2 ст. 1). Не предлагая определение указанного образа жизни, Конвенция нацеливает правительства на принятие мер, которые, по сути, должны способствовать его сохранению

через содействие осуществлению социальных, экономических и культурных прав этих народов при уважении их социальной и культурной самобытности, их обычаев и традиций и их институтов (п. b ч. 2 ст. 2), в том числе через учет обычного права (ст. 8), обеспечение прав данных сообществ на природные ресурсы (ст. 15), ведение традиционной хозяйственной деятельности — охоты, рыболовства, звероловства и собирательства (ст. 23), сохранение традиционных знаний и технологий (ст. 27), развитие и применение родных языков (ст. 28).

Конвенция о биологическом разнообразии (принята 5 июня 1992 г.)⁸ относит местные общины и коренное население к хранителям традиционного образа жизни (преамбула). Их знания, нововведения и практики как элементы этого образа жизни должны уважаться, сохраняться и поддерживаться для устойчивого использования биологического разнообразия (ст. 8).

Декларация ООН о правах коренных народов (принята 13 сентября 2007 г.)⁹ не использует понятие “традиционный образ жизни”. Вместе с тем данный образ жизни фактически подразумевается и защищается совокупностью положений Декларации в тех случаях, когда она гарантирует коренным народам права: быть свободными, в особенности от дискриминации на основе их коренного происхождения или самобытности (ст. 2); на самоопределение (ст. 3); на автономию или самоуправление (ст. 4); на сохранение и укрепление своих институтов, особых обычаев, традиций и обрядов, на свободное занятие своей традиционной деятельностью (ст. 5, 9, 11, 12, 20, 34); на жизнь в качестве самобытных народов (ч. 2 ст. 7); на сохранение этнической самобытности (ч. 2 ст. 8); на земли, территории и природные ресурсы, которыми они традиционно владели, на сохранение и охрану окружающей среды и производительной способности их земель или территорий и ресурсов (ст. 10, 25, 26, 29); на свою историю, языки, фольклор, достоинство и многообразие своих культур (ст. 13, 15). Традиционный образ жизни, по смыслу Декларации, сочетается с правом коренных народов на экономическое, социальное и культурное развитие (ст. 3, 23).

Приведенные положения позволяют сделать вывод о том, что традиционный образ жизни коренных народов в целом и в своих проявлениях находится под охраной международного права. При этом он охраняется не сам по себе, а с позиций

⁶ См.: Всеобщая декларация прав человека (ст. 3, 12) // Росс. газ. 1995. 5 апр.; Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 1, 9, 17, 27) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291; Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (ст. 1) // Права меньшинств: изложение фактов. № 18/Rev. I (Нью-Йорк, 1992). С. 13–17; Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (ст. 5). Ратифицирована Федеральным законом от 18 июня 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 2833.

⁷ См.: Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. II. Женева, 1991. С. 2193–2207.

⁸ Ратифицирована Федеральным законом от 17 февраля 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.

⁹ См.: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml

защиты прав данных народов и лиц, относящихся к ним, с пониманием того, что их образ жизни:

ценен для человечества тем, что он является собой пример рационального использования и улучшения окружающей среды;

позволяет коренным народам адаптироваться к экстремально-природным условиям проживания, сохранять и воспроизводить свою самобытную культуру, непосредственно решать вопросы собственного жизнеобеспечения;

обособляет (маркирует) коренные народы прежде всего с позиций особенностей их жизнедеятельности, а не принадлежности к той или иной формальной группе (этносу);

существенно отличается от образа жизни иных народов и социальных групп, выделяется и защищается в силу определенной уникальности и неспособности без поддержки государства нормально воспроизводиться.

Конституционно-правовые начала регулирования традиционного образа жизни

Положения Конституции РФ о вхождении общепризнанных принципов и норм международного права в российскую правовую систему (ч. 4 ст. 15), а также о гарантировании Российской Федерацией прав коренных малочисленных народов в соответствии с этими принципами и нормами (ст. 69) способствовали восприятию Россией международно-правовых установок о традиционном образе жизни названных народов. Прежде всего данный образ жизни (“традиционный образ жизни малочисленных этнических общностей”) рассматривается как объект государственной защиты, находящийся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации (п. “м” ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Это с учетом предписаний ч. 2 ст. 76 Конституции РФ способствовало формированию соответствующего законодательства, нацеленного на сохранение традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. Основу данного законодательства составляют федеральные законы — о гарантиях прав коренных малочисленных народов (от 30 апреля 1999 г.)¹⁰, об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов (от 20 июля 2000 г.)¹¹ и о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов (от 7 мая 2001 г.)¹², принятие которых в преам-

булах указанных законов мотивировалось именно необходимостью обеспечить традиционный образ жизни названных народов.

Федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” для защиты традиционного образа жизни коренных малочисленных народов:

наделяет федеральные, региональные и муниципальные органы власти необходимыми полномочиями (ст. 5–7), что конкретизируется в некоторых других федеральных законах¹³;

гарантирует соответствующие права коренным малочисленным народам, их объединениям и лицам, относящимся к этим народам, в том числе на пользование землей, ведение традиционной хозяйственной деятельности; на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания этих народов хозяйственной деятельностью; на замену военной службы альтернативной гражданской службой; на сохранение и развитие своей самобытной культуры; на территориальное общественное самоуправление; на создание общин и иных объединений; на судебную защиту традиционного образа жизни (ст. 8–14). Иные федеральные законы дополняют и уточняют этот перечень прав, гарантируют также названным субъектам права на создание особо охраняемых территорий традиционного природопользования; на применение традиционных методов добычи объектов животного мира и приоритетное пользование животным миром¹⁴; на рыболовство и охоту в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности¹⁵; на особые отношения с недропользователями¹⁶; на защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания, протекционизм

¹³ См., например: Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” от 6 октября 1999 г. (ст. 26.3) // Собрание законодательства РФ. № 42. Ст. 5005.

¹⁴ См.: Федеральный закон “О животном мире” от 26 апреля 1995 г. (ст. 48, 49) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

¹⁵ См.: Федеральный закон “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов” от 20 декабря 2004 г. (ст. 25) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (Ч. 1). Ст. 5270; Федеральный закон “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 24 июня 2009 г. (ст. 19) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

¹⁶ См.: Федеральный закон “О соглашениях о разделе продукции” от 30 декабря 1995 г. (ст. 7) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 18.

¹⁰ См.: Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

¹¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2000. № 30. Ст. 3122.

¹² См.: Собрание законодательства РФ. 2001. № 22. Ст. 1972.

государства в отношении культур малочисленных этнических общностей¹⁷.

Традиционный образ жизни согласно Федеральному закону о гарантиях прав коренных малочисленных народов (п. 1 ст. 1) рассматривается в качестве одного из видовых признаков этих народов, отличающих их от иных сообществ. Он сопрягается с их проживанием на территориях традиционного расселения своих предков, сохранением традиционного хозяйствования и промыслов, численностью (не менее 50 тыс.) и осознанием ими себя самостоятельными этническими общностями. Именно поэтому указанный Закон (как и законодательство о коренных малочисленных народах в целом) хотя и распространяется в первую очередь на тех, кто ведет традиционный образ жизни и занимается традиционной хозяйственной деятельностью, также охватывает и тех, для кого названные образ жизни и деятельность вторичны в соотношении с основной деятельностью (ст. 3), например для лиц, занятых в социально-культурной и иных сферах нетрадиционной хозяйственной деятельности. В подобном случае учитывается, что принадлежность к этносу и образ жизни (в культурных и мировоззренческих проявлениях) не утрачиваются с изменением рода занятий, но увязываются с национальным самосознанием человека, с его стремлением к сохранению духовной связи со своим народом¹⁸.

В названном Законе дается также определение традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, под которым понимается исторически сложившийся способ жизнеобеспечения этих народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований (п. 2 ст. 1)¹⁹. При этом необходимо иметь в виду, что приведенное определение отражает наиболее важные типовые признаки указанного образа жизни. Каждый же в отдельности народ,

входящий в сообщество 40 коренных малочисленных народов, обладает только ему присущими чертами и особенностями²⁰, т.е. является носителем специфического образа жизни. Таковым, например, с ярко выраженными особенностями является кочевой образ жизни ненцев-оленьеводов, который:

определяется как уклад жизни, основанный на исторически сложившихся традициях и обычаях, связанный с ведением традиционной хозяйственной деятельности и предполагающий постоянное перемещение в пределах маршрута кочевания (с учетом наличия кормов, водных биологических и охотничьих ресурсов) без строгой привязки к определенному пункту и месту жительства²¹;

признается Федеральным законом “О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации” от 28 июня 1993 г.²² в контексте регистрации граждан с подобным образом жизни (ст. 6.1), а также законодательством отдельных субъектов Федерации²³;

оформляется согласно названному Закону документом (он необходим для указанной регистрации), подтверждающим ведение гражданином кочевого образа жизни, выданным органом местного самоуправления соответствующего муниципального района (ст. 6.1).

В настоящее время на рассмотрении Государственной Думы ФС РФ находится проект федерального закона № 1026256–6 “О государственной поддержке лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, ведущих кочевой образ жизни”²⁴ (внесен 23 марта 2016 г.). В пояснительной записке к законопроекту указывается,

¹⁷ См.: Закон РФ “Основы законодательства Российской Федерации о культуре” от 9 октября 1992 г. (ст. 20, 22) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1991. № 46. Ст. 2615.

¹⁸ См.: Харюхи С.Н. Развитие законодательства о защите прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Журнал рос. права. 2006. № 7. С. 16.

¹⁹ Эта трактовка в целом согласуется с философскими и социологическими представлениями об образе жизни (см.: Толстых В.И. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М., 1975. С. 27; Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 308; Возьмитель А.А., Осадчая. Г.И. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа // Соц. исследования. 2009. № 8. С. 58–65)

²⁰ См.: Комментарий к Федеральному закону о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации / Под ред. Б.С. Крылова. М., 1999. С. 22.

²¹ См.: Закон Республики Саха (Якутия) “О государственной поддержке коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), ведущих кочевой образ жизни” от 8 ноября 2012 г. (п. 2 ст. 1) // Якутские ведомости. 2012. № 90.

²² См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

²³ См., например: Закон Ямало-Ненецкого автономного округа “О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе” от 6 октября 2006 г. // СПС “КонсультантПлюс”; Закон Ненецкого автономного округа “Об оленеводстве в Ненецком автономном округе” от 6 декабря 2016 г. // Там же.

²⁴ См.: СПС “КонсультантПлюс”.

что его действие в случае принятия будет касаться 100 тыс. человек — оленеводов и членов их семей.

Право на традиционный образ жизни

Приведенные выше международно-правовые и конституционно-правовые положения, а также закрепленные в Конституции РФ нормы о гарантировании прав и свобод согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17, 69) и недопустимости отрицания или умаления наряду с основными правами и свободами других прав и свобод (ст. 55), права народов на равноправие и самоопределение (ч. 3 ст. 5), права человека и гражданина (в их числе и лиц, относящихся к коренным малочисленным народам) на жизнь (ст. 20), на достоинство личности (ст. 21), на свободу (ст. 22), на неприкосновенность частной жизни (ст. 23), на национальную принадлежность и родной язык (ст. 26), на свободу совести и вероисповедания (ст. 28), на занятие не запрещенной законом экономической деятельностью (ст. 34), свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессии (ст. 37), владеть, пользоваться и распоряжаться землей и другими природными ресурсами (ст. 36), на благоприятную окружающую среду (ст. 42) — в системном единстве дают основания для выделения права коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни в качестве конституционного права. Конституционный суд Республики Саха (Якутия) в своем постановлении от 15 апреля 2015 г. № 1-П²⁵, опираясь на положения Конституции РФ (ст. 55, п. “б”, “м” ч. 1 ст. 72) и Конституции Республики Саха (Якутия) (ст. 5, 38, 42), признает право коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни как имеющее важное значение для данных народов и допускает возможность его отнесения к основным правам и свободам человека и гражданина. Схожий подход демонстрирует и Конституционный суд Республики Карелия, который определяет права коренных малочисленных народов, включая права на традиционное природопользование, защиту исконной среды обитания и традиционный образ жизни, в качестве конституционно защищаемых ценностей наряду с основными правами и свободами (постановление от 11 июля 2014 г.)²⁶.

Конституционное право коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни, если исходить из международных норм (Конвенции МОТ № 169, Декларации ООН о правах коренных

народов), Конституции РФ и Федерального закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, трактуется как коллективное и индивидуальное. Его субъектами являются коренные малочисленные народы как этнокультурное сообщество данных народов, каждый народ, входящий в это сообщество, лица, относящиеся к указанным народам, и их объединения.

Каково юридическое содержание права коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни? Конституционный суд Республики Саха (Якутия), толкуя данное понятие, пришел к выводу, что под этим надо понимать право указанных народов проживать в границах исторически сложившихся территорий и вести национально-традиционные формы хозяйствования (животноводство, коневодство, оленеводство, рыболовство, охота)²⁷. Судом отражены главные составляющие права на традиционный образ жизни, которые можно конкретизировать и расширить. В частности, указанное право, на наш взгляд, включает права коренных малочисленных народов²⁸:

на самобытность жизни во всех ее социальных, экономических и культурных проявлениях;

на автономию или самоуправление, сохранение и развитие традиционных институтов самоорганизации;

на земли (территории) и природные ресурсы, которыми они традиционно владели (имели доступ к ним), в единстве с правом контролировать их использование, не быть выселенными с этих земель (территорий), во всяком случае без получения от народов свободного и осознанного согласия на подобное выселение, возвращаться на свои земли (территории) или получать соответствующую компенсацию;

на сохранение и охрану исконной среды обитания и производительной способности их земель (территорий) и ресурсов в сочетании с правом на получение компенсации в случае нанесения ущерба этой среде нетрадиционной хозяйственной деятельностью;

на свободное занятие своей традиционной деятельностью;

²⁵ См.: Постановление Конституционного суда Республики Саха (Якутия) от 6 апреля 1999 г. по делу о толковании положений преамбулы и ст. 32, 38, 42, 49 Конституции Республики Саха (Якутия) // Якутия. 1999. 13 апр.

²⁸ См. также: *Hanco M.B.* Право на самобытность как правовой институт защиты отдельных этнических общностей // Право и политика. 2008. № 2. С. 392.

²⁵ См.: там же.

²⁶ См.: там же.

на свободу в выборе приоритетов своего социального, экономического и культурного развития;

на признание, сохранение и развитие самобытной культуры, фольклора, традиционных знаний и технологий, обычаев, традиций и верований;

на сохранение и использование своего родного языка как языка общения, воспитания, обучения и творчества;

на образование с учетом потребностей народа, его культурных ценностей и запросов;

на достоверную информацию о себе, своей истории и культуре, на защиту от предубеждений;

на судебную защиту традиционного образа жизни и компонентов его составляющих.

Из приведенных положений следует, что право на традиционный образ жизни — комплексный правовой институт, включающий в себя совокупность взаимосвязанных и взаимодополняющих прав. Соответственно, есть основание полагать, что данное право нарушается, если нарушаются составляющие его содержание права. Равно как объектом защиты, в том числе судебной, могут выступать данный образ жизни, как таковой, а также образующие его элементы, например, права на традиционное природопользование, самобытную социальную организацию проживания, самобытную культуру, на сохранение обычаев и верований; защита каждого названного права всегда есть защита права на традиционный образ жизни.

Признание права на традиционный образ жизни обязывает государство принимать меры по его поддержке и исключает совершение каких-либо действий, направленных на насильственное изменение этого образа жизни. Однако подобное не отрицает свободу выбора жить в соответствии с традиционным образом жизни или иначе. Каждый вправе самостоятельно выбирать и менять свой образ жизни, жить, сообразуясь со своими представлениями, которые могут не совпадать с характерными свойствами общности, с которой этнически связан индивид. Вместе с тем смена традиционного образа жизни хотя и не означает утрату принадлежности лица к соответствующему сообществу, но может вести к сокращению каких-либо прав, предоставляемых только тем, кто ведет такой образ жизни.

Фиксация права на традиционный образ жизни не означает консервацию определенного уклада, не предполагает обязанность, например, жить в чуме, не пользоваться достижениями технического прогресса, носить традиционные одежды и питаться

традиционной пищей. Указанное право совмещается с правом на свободное политическое, экономическое, социальное и культурное развитие человека и народов, получившим непосредственное закрепление в международно-правовых актах²⁹ и имплицитно — в Конституции РФ (ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 55, ч. 3 ст. 68, 69, п. “е” ст. 71). Это, в свою очередь, обуславливает возможность выхода за пределы традиционности. Бизнес, доход, прибыль — то, что гарантирует достойное существование в современную эпоху, более того, становится одним из условий самостоятельного развития коренных малочисленных народов и их общин, сохранения в обновленном виде их традиционной культуры и традиционных ценностей³⁰. При этом модернизация традиционного образа жизни (она, отметим, имеет естественную природу, происходит постоянно в контексте меняющейся реальности), связанная с усвоением принципов рыночной экономики, применением новых технологий и знаний, не меняет сути традиционного хозяйствования и, следовательно, типических черт сознания и жизнедеятельности коренных малочисленных народов и лиц, относящихся к ним³¹.

Право коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни соотносимо с их правом на самоопределение. С одной стороны, право на самоопределение составляет фундаментальную основу для сохранения и развития традиционного образа жизни данных народов, а с другой — указанный образ жизни в реальном воплощении представляет собой специфическую форму реализации права коренных малочисленных народов на самоопределение

²⁹ См.: Декларация о праве на развитие. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 4 декабря 1986 г. // СПС “КонсультантПлюс”.

³⁰ См.: Попов Ю.В. Коренные малочисленные народы Севера в глобальном и региональном контексте // ЭКО. 2011. № 9. С. 85.

³¹ Норвежский проф. Т. Туэн по этому поводу образно и вполне справедливо отмечает: использование саами снегоходов не сделало оленеводство менее саамским (см.: Туэн Т. Кочевое оленеводство саами Северной Норвегии в условиях трансформаций // В сб.: Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2003. С. 81). Схожую позицию занимает и акад. В.А. Тишков, который вполне обоснованно утверждает, что понятие “традиционный образ жизни” совсем не означает несовременный и неэффективный образ жизни; без вакцинации, телевизоров, мотонарт жизнь на Севере невозможна (см.: Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты. Материалы Всеросс. конгресса. Москва, 3–5 декабря 1999 г. СПб., 2000. С. 69). Поддерживая необходимость инноваций применительно к жизнедеятельности северных народов, член-корр. РАН А.В. Головин обращает внимание на то, что “этнокультурное огораживание способствует не сохранению, а усыханию традиций” (см.: Головин А.В. Устойчивость и изменчивость культур Севера // Науч. вестник ЯНАО. Вып. № 1(70). Салехард, 2011. С. 8).

с неполитическим акцентом в сфере отношений, связанных с их притязаниями на пользование землей (территориями) и природными ресурсами, на занятие традиционной хозяйственной деятельностью, на сохранение самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, обычаев и верований. По набору таких требований самоопределение коренных народов рассматривается как один из видов самоопределения народов³².

Признание права на традиционный образ жизни в современной России, на наш взгляд, в определенной степени связано с восстановлением справедливости по отношению к коренным малочисленным народам, образ жизни которых целенаправленно разрушался в период (с 30-х до конца 80-х годов прошлого столетия) советской власти³³. Это выражалось в проведении, по сути, насильственной — без учета культурных особенностей народов и их мнения — интеграционной государственной политики³⁴, в соответствии с которой им навязывались ценности доминирующего общества, шло обустройство жизни по общим правилам и представлениям. В частности:

упразднялись этнические институты самоорганизации и самоуправления. Их замещали созданные по инициативе сверху национальные (с 1980 г. — автономные) округа и районы³⁵, органы власти которых как элементы централизованной государственной системы были нацелены не

на защиту самобытной культуры северных народов, а на осуществление указанной политики³⁶;

происходила экспроприация оленей, создавались колхозы и совхозы как формы хозяйственной деятельности северных народов. Это сопровождалось массовым переводом кочевого населения на оседлый образ жизни, ликвидацией национальных деревень и стойбищ с переселением их жителей в укрупненные населенные пункты, созданием школ-интернатов, в которых в отрыве от семьи обучались дети народов Севера³⁷. Подобное меняло многовековой уклад жизни этнических сообществ, подрывало социально-экономические основы их самобытной культуры, сказывалось на психическом и физическом здоровье представителей данных сообществ, их самооценке;

у северных народов появилась своя письменность, была ликвидирована безграмотность, но в то же время происходила русификация образовательного и воспитательного процесса, утрата родных языков;

интенсивное промышленное освоение Севера, начавшееся в 60-е годы прошлого столетия, осуществлялось без соблюдения необходимых экологических стандартов и учета потребностей коренных народов, что способствовало сокращению и ухудшению их жизненного пространства, сказывалось на возможностях ведения традиционной хозяйственной деятельности и в целом подрывало устойчивость традиционной жизни³⁸.

³² См.: Джонтман А.Д., Шмид А.П. Словарь по правам человека. М. — Рязань, 1997. С. 63.

³³ Необходимо пояснить, что до 30-х годов в РСФСР действовали нормы, воспроизводившие многие положения Устава об управлении инородцев 1822 г. (см.: Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. 126. С. 394—416), которые поощряли традиционный образ жизни туземных народностей, обеспечивали функционирование институтов власти с учетом его особенностей (см.: Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР (утв. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября 1926 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 73. Ст. 575); постановление ВЦИК и СНК РСФСР “О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР” от 14 октября 1927 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 111. Ст. 746).

³⁴ См.: Петров Ю.Д. Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная практика. М., 1998. С. 18—65; Холодильникова К.А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера, Западной Сибири как основа сохранения этноса // Вестник ТюмГУ. 2009. № 3. С. 91—98; Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2014. С. 26—35.

³⁵ См.: постановление ВЦИК “Об образовании национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера” от 10 декабря 1930 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1931. № 8. Ст. 98.

³⁶ См.: Закон РСФСР “Об автономных округах РСФСР” от 20 ноября 1980 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1594.

³⁷ Установки на проведение такой политики определялись специальными правовыми актами (см.: постановление Совета Министров РСФСР “О дополнительных мероприятиях по развитию экономики и культуры народностей Севера” от 1 июня 1957 г. // В сб.: Постановления Совета Министров РСФСР за июнь 1957 г. С. 143—150; постановление Совета Министров СССР “О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера” от 21 апреля 1967 г. // В сб.: Постановления Совета Министров СССР за апрель 1967 г. С. 133—137; постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР “О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера” от 7 февраля 1980 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. 1980. № 7. Ст. 50).

³⁸ Подобное понимание вещей констатировалось в отдельных нормативных правовых актах (см.: Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР” от 28 ноября 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 48. Ст. 863; постановление Кабинета Министров СССР и Совета Министров РСФСР “О дополнительных мерах по улучшению социально-экономических условий жизни малочисленных народов Севера на 1991—1995 годы” от 11 марта 1991 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. 1991. № 7. Ст. 31).

Угрозы традиционному образу жизни в современной России в контексте правового регулирования и судебной практики

В современной России традиционный образ жизни коренных малочисленных народов вновь находится под угрозой. При этом если в СССР он официально искоренялся как чуждый элемент социализма, то в настоящее время традиционный образ жизни, имея международное и конституционно-правовое признание, отрицается не напрямую, а исподволь, часто завуалировано и скрытно. Повод для такого вывода дают разного рода суждения на эту тему (они приводились выше), более всего — практика правового регулирования в рассматриваемой сфере. В последние 10–15 лет ее отличают два момента.

Первое. Изъятие из федерального законодательства норм, ранее гарантировавших важные права коренных малочисленных народов. В частности, в настоящее время, в отличие от прошлого, не предусмотрены:

возможность лицам, относящимся к данным народам, получать земельные участки в пожизненное наследуемое владение и пользоваться ими бесплатно;

отнесение территорий традиционного природопользования к особо охраняемым природным территориям (тем самым снижается степень их защиты от промышленной экспансии);

право приоритетного природопользования в отношении рыболовства;

предоставление на бесконкурсной основе участков для осуществления традиционного рыболовства и охоты, а также преференции при осуществлении промышленного рыболовства и промысловой охоты;

обязанность оценивать возможное негативное воздействие проектов на традиционный образ жизни и природопользование коренных малочисленных народов;

оказание общинам коренных малочисленных народов государственной помощи в виде налоговых льгот и преимуществ, целевого финансирования региональных и местных программ сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов данных народов;

организация местного самоуправления, обусловленная компактным проживанием на территории муниципального образования коренных малочисленных народов, и возможность передачи отдельных полномочий органов местного самоуправления общинам данных народов;

региональный (национально-региональный) компонент образовательного стандарта, что может затрагивать интересы коренных малочисленных народов в сфере образования.

Второе. Устойчивое нежелание законодателя урегулировать важные отношения, обеспечивающие надлежащую реализацию прав коренных малочисленных народов³⁹. Это касается:

установления порядка отнесения граждан Российской Федерации к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока;

конкретизации прав коренных малочисленных народов на безвозмездное пользование землями; на приоритетное природопользование; на ведение охоты и рыболовства свободно, в объемах, обеспечивающих удовлетворение личных потребностей; на компенсации в ситуациях, связанных с изъятием земель традиционного природопользования для хозяйственных нужд или нанесением ущерба этим землям; на участие в принятии решений, затрагивающих права и интересы коренных малочисленных народов; на культурное наследие коренных малочисленных народов, в том числе на археологические и культурные памятники, изобразительное и исполнительское искусство, традиционные знания и технологии; на учет обычаев и традиций в судебной и иной правоприменительной деятельности;

распространения права коренных малочисленных народов на традиционное природопользование на лиц, не относящихся к коренным малочисленным народам, но состоящим в браке с лицами из числа данных народов, а также на детей, рожденных в таком браке или усыновленных (удочеренных) в ситуации, когда они ведут традиционный образ жизни;

определения критериев и процедур наделяния правом на традиционную охоту и рыболовство лиц, которые не относятся к коренным малочисленным народам, но постоянно проживают

³⁹ К такому выводу можно прийти, принимая во внимание тот факт, что многие ожидаемые и официально планируемые в этой сфере нормативные правовые акты так и не были приняты. Перечень подобных актов см.: распоряжения Правительства РФ от 21 февраля 2005 г. № 185-р, от 19 ноября 2007 г. № 1639-р, от 4 февраля 2009 г. № 132-р, от 28 августа 2009 г. № 1245-р // Собрание законодательства РФ. 2005. № 9. Ст. 736; 2007. № 48 (Ч. II). Ст. 6026; 2009. № 7. Ст. 876; № 36. Ст. 4364. Конкретный анализ данной ситуации см.: Харючи С. Н. Исторические предпосылки и современные тенденции развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М., 2013. С. 39–45.

в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности названных народов (отсутствие таких критериев и процедур ведет к необоснованному расширению круга лиц, пользующихся правом на традиционную охоту и рыболовство, и, соответственно, к умалению данного права представителей коренных малочисленных народов);

принятия федеральных законов об оленеводстве, этнологической экспертизе и уполномоченных представителях коренных малочисленных народов;

комплексной регламентации взаимоотношений коренных малочисленных народов с хозяйствующими субъектами;

законодательного признания права общин коренных малочисленных народов осуществлять предпринимательскую деятельность, не только связанную с традиционными занятиями данных народов, но и другую предпринимательскую деятельность, обеспечивающую устойчивое развитие этих объединений.

Ситуация с защитой традиционного образа жизни обтягивается правоприменительной практикой судов. В частности, как свидетельствует анализ выносимых ими решений⁴⁰:

суды отказывают представителям коренных малочисленных народов и их общинам в праве на создание территорий традиционного природопользования федерального значения; ограничивают общины в осуществлении видов предпринимательской деятельности; порой квалифицируют традиционные охоту и рыболовство как браконьерство; исключают возможность осуществления традиционного рыболовства и традиционной охоты уполномоченным лицом в пользу тех, кто их уполномочил — общин или членов семьи, родственников; проявляют непоследовательность в трактовке традиционности, когда в одних случаях требуют использования современных орудий лова вместо применения разрешенных законом традиционных методов добычи объектов животного мира, а в других — признают несовместимым с традиционным образом жизни использование технических средств;

при рассмотрении дел суды не опираются на нормы международного права о коренных народах, не принимают во внимание их обычаи и традиции;

за четверть века применения законодательства о коренных малочисленных народах Верховный Суд РФ, к сожалению, комплексно не обобщал практику этого правоприменения и не предлагал судам соответствующие рекомендации по оптимальному разрешению дел в данной сфере.

Защита права на традиционный образ жизни средствами конституционного правосудия

Федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, как отмечалось, предусматривает право на судебную защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов (ст. 14). Потенциальным элементом этой защиты может быть и конституционное правосудие, что подтверждает практика Конституционного Суда РФ. В частности, предметом его рассмотрения (без положительных, к сожалению, результатов для заявителей) становились⁴¹:

запрос Думы Чукотского автономного округа о толковании ст. 69 Конституции РФ, гарантирующей права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, который был отклонен по мотивам недопустимости вторжения в компетенцию законодателя (Определение от 26 декабря 1996 г. № 106-О);

запрос Администрации Хабаровского края о проверке конституционности п. 2 и 4 постановления Правительства РФ “О квотах на вылов (добычу) водных биологических ресурсов внутренних морских вод, территориального моря, континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации” от 27 декабря 2000 г., в котором затрагивался вопрос о рыбных квотах для коренных малочисленных народов. Отказным Определением от 6 июля 2001 г. № 163-О оспариваемое регулирование было признано допустимым, а обращение — не отвечающим требованиям закона;

жалоба членов ликвидированной семейно-родовой эвенкийской общины “Дылача” о признании неконституционными положений Федерального закона “Об общих принципах

⁴⁰ См.: *Задорин М.Ю.* Конституционное право коренных малочисленных народов на развитие. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 148–169; *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. С. 253–259; *Его же.* Право коренных малочисленных народов на традиционное природопользование (На примере охоты) // *Гос. и право.* 2016. № 11. С. 32–42; *Новикова Н.И.* Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии. М., 2014. С. 166–176.

⁴¹ Соответствующие определения Конституционного Суда РФ размещены в СПС “КонсультантПлюс”.

организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” и Гражданского кодекса РФ в части ограничения общин данных народов на занятие коммерческой деятельностью. В ее рассмотрении (без попытки вникнуть в суть проблемы, ответить на поставленные вопросы, в том числе о возможности совмещения общиной традиционной и нетрадиционной деятельности) было отказано с учетом, что оспариваемые нормы не нарушают конституционные права заявителей (Определение от 20 ноября 2014 г. № 2737-О).

Устойчивая практика по защите права коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни в его многообразном содержании складывается в Конституционном суде Республики Саха (Якутия). Предпосылки к этому созданы Конституцией Республики⁴², в которой закрепляются права данных народов на природные ресурсы (ст. 5), на пользование землей и родовыми угодьями, на защиту от насильственной ассимиляции и этноцида, от посягательств на этническую самобытность, исторические и священные места, памятники духовной и материальной культуры (ст. 42), на создание национальных административно-территориальных образований (ст. 43), на осуществление местного самоуправления с учетом национально-этнических особенностей (ст. 99), на возмещение ущерба, причиненного окружающей среде и традиционному образу жизни пользователями природных ресурсов на территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов (ст. 104). Конституционный закон Республики Саха (Якутия) “О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве” от 15 июня 2002 г.⁴³ наделяет граждан и их объединения правом на конституционную жалобу, а также дополнительно к прочим субъектам предоставляет объединениям коренных малочисленных народов право на обращение в Суд с запросами о проверке конституционности нормативных правовых актов и договоров в порядке абстрактного нормоконтроля и о толковании Конституции Республики Саха (Якутия) (ст. 96, 107). При таком регулировании Конституционный суд Республики Саха (Якутия) довольно часто и в позитивном ключе рассматривает дела, связанные с защитой прав коренных малочисленных народов⁴⁴. В частности, Конституционный суд:

по запросам объединений коренных малочисленных народов дал толкование положению Конституции относительно прав этих народов на пользование землей и природными ресурсами (постановление от 16 марта 2010 г. № 2-П) и создание национальных административно-территориальных единиц (постановление от 16 мая 2005 г. № 5-П);

по запросам депутатов республиканского парламента толковал положения Конституции о правах коренных малочисленных народов на этническую самобытность, традиционный образ жизни и др. (постановление от 6 апреля 1999 г. № 3-П), на учет их национально-этнических особенностей при организации местного самоуправления (постановление от 15 декабря 2009 г. № 7-П), а также проверял конституционность нормативных правовых актов, связанных с созданием национальных административно-территориальных единиц (постановление от 5 марта 2001 г. № 3-П), компенсациями за использование недропользователями земельных участков родовых угодий (постановление от 26 октября 2001 г. № 8-П), получением общинами коренных малочисленных народов лицензий на пользование объектами животного мира (постановление от 20 ноября 2014 г. № 10-П), распределением квот на добычу водных биологических ресурсов в целях обеспечения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности (постановление от 15 апреля 2015 г. № 1-П).

Обзор практики защиты прав коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни средствами конституционного правосудия свидетельствует о ее фрагментарности. Не спешат в этих целях направлять запросы в Конституционный Суд РФ (в конституционные суды субъектов Федерации) органы публичной власти. Пассивность последних может быть производной от наблюдаемых процессов слияния политической и экономической власти⁴⁵. Частным их проявлением стала ситуация, когда в нефтегазодобывающих регионах все важные для аборигенов вопросы решаются органами власти с точки зрения интересов нефтяных и газовых компаний⁴⁶, и, соответственно, эти органы власти утратили способность быть гарантом прав малочисленных этнических общностей.

⁴² См.: Якутия. 2002. 12 нояб.

⁴³ См.: Якутские ведомости. 2002. № 25.

⁴⁴ Соответствующие постановления Конституционного суда Республики Саха (Якутия) размещены в СПС “КонсультантПлюс”.

⁴⁵ См.: Бондарь Н.С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления (К 20-летию юбилея) // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6 (36). С. 18.

⁴⁶ См.: Новикова Н.И. Культурно-ценностные и правовые взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и нефтегазовых корпораций в Российской Федерации (1990–2000-е гг.). Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. М., 2011. С. 35.

Реальность такова, что перспективы защиты права коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни и составляющих его содержание прав находятся в русле использования ими права на конституционную жалобу, в первую очередь в Конституционном Суде РФ. Расширение данной практики предполагает прежде всего признание указанного права (обоснование приводилось выше) в качестве конституционного права как производного от прав народов, основных прав и свобод человека и гражданина и иных конституционных ценностей. Это, на наш взгляд, возможно с учетом общих подходов Конституционного Суда РФ, который:

обладает способностью выводить из конституционных положений права, приравненные к основным правам и свободам, с последующей их защитой конституционным правосудием. Подобное имело место, когда Конституционный Суд пришел к выводу о допустимости такой защиты прав муниципальных образований как территориальных объединений граждан, коллективно реализующих на основании Конституции РФ право на осуществление местного самоуправления (Постановление от 2 апреля 2002 г. № 7-П⁴⁷);

считает, что государство обязано соблюдать и защищать не только права и свободы граждан, непосредственно закрепленные в Конституции РФ, но и производные от них другие права и их гарантии, приобретаемые на основании федерального закона (Постановление от 21 ноября 2002 г. № 15-П⁴⁸);

не исключает защиту коллективных прав социальных групп, например казачества⁴⁹ и жертв политических репрессий⁵⁰.

Признание права коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни и составляющих его прав в качестве конституционных открывает возможность использования конституционной жалобы как дополнительного субсидиарного средства защиты указанных прав⁵¹. При этом в соответствии с Конституцией РФ (ч. 4 ст. 125) и Федеральным конституционным законом “О Конституционном Суде Российской

Федерации”⁵² (ст. 96, 97) такая жалоба — индивидуальная или коллективная — может исходить от граждан или их объединений, чьи конституционные права и свободы нарушены примененным законом в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде с вынесением решения, вступившим в законную силу; ее подача в срок не позднее одного года после рассмотрения дела в суде сопряжена с восстановлением (через устранение каких-либо правовых препятствий и дефектов, не преодоленных в конкретном деле судом) нарушенных прав названных граждан или объединений.

Приведенные положения могут быть уточнены с учетом выработанных правовых позиций Конституционного Суда РФ относительно конституционной жалобы⁵³ и характеристик права коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни. В частности:

жалоба в данном случае может исходить по общему правилу исключительно от граждан России, относящихся к коренным малочисленным народам, и объединений этих граждан, поскольку они являются бенефициарием права на традиционный образ жизни и составляющие его содержание прав;

жалоба может быть подана гражданином индивидуально или совместно с другими гражданами и объединениями с возложением или без возложения обязанности на уполномоченных лиц представлять их интересы в Конституционном Суде в порядке ст. 53 Закона о Конституционном Суде РФ;

право на жалобу принадлежит широкому кругу объединений граждан: общественным объединениям во всех их организационно-правовых формах, объединениям, обладающим и не обладающим правами юридического лица, действующим и ликвидированным, коммерческим и некоммерческим, территориальным сообществам — муниципальным образованиям в местах компактного проживания коренных малочисленных народов и в административно-территориальных единицах с особым статусом, созданных вместо упраздненных автономных округов, а также сообществам, осуществляющим территориальное общественное самоуправление коренных малочисленных народов;

объединения граждан — Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири

⁴⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

⁴⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 48. Ст. 4829.

⁴⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 сентября 1993 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1994. № 6.

⁵⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 1995 г. № 6-П // Собрание законодательства РФ. 1995. № 22. Ст. 2168.

⁵¹ См.: Дудко И.А., Кряжкова О.Н. Принцип субсидиарности в конституционном судопроизводстве в Российской Федерации // Росс. правосудие. 2017. № 8. С. 46–59.

⁵² См.: Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁵³ Подробный анализ этих позиций в изложении судьи Конституционного Суда РФ С.М. Казанцева см.: Комментарий к Федеральному конституционному закону “О Конституционном Суде Российской Федерации” / Под ред. Г.А. Гаджиева. М., 2012. С. 515–548.

и Дальнего Востока Российской Федерации, Ассоциация оленеводов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, Союз общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, общины коренных малочисленных народов и др. — могут обращаться в Конституционный Суд РФ в целях защиты собственных конституционных прав, а также прав своих членов. Это согласуется с природой данных объединений, призванных обеспечивать публичное представительство коренных малочисленных народов и их правосубъектность⁵⁴, правомочием защищать права своих членов, в том числе в судах⁵⁵;

право на традиционный образ жизни характеризуется единством индивидуальных и коллективных начал. Сообразно с этим, по аналогии с защитой конституционного права на осуществление местного самоуправления в Конституционном Суде РФ⁵⁶ указанное право в целом

и некоторые составляющие его права (например, права коренных малочисленных народов на самоопределение, на среду обитания, на родной язык народа, на культурные ценности, проживать и вести хозяйственную деятельность в границах исконных территорий и др.) могут быть защищены в Конституционном Суде РФ только объединениями коренных малочисленных народов, уполномоченными в силу своего статуса представлять данные народы на соответствующем уровне, а также, возможно, иными уполномоченными субъектами в лице территориальных органов публичной власти.

В заключение отметим, что право на традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в международном и конституционном праве определяется как ценность и такое право, которое может быть вписано в каталог основных прав и свобод человека и гражданина. Оно не всегда и не всеми воспринимается в подобном качестве. Именно поэтому указанное право нуждается в особой защите, прежде всего посредством рассмотрения конституционной жалобы в Конституционном Суде РФ. Возможность ее использования названными народами (лицами, относящимися к ним, их объединениями) адекватна конституционному статусу коренных малочисленных народов, есть мера, способная содержательно усилить гарантии их прав, включая право на традиционный образ жизни, в Российской Федерации.

⁵⁴ См.: *Зиганшин И.Р.* Конституционно-правовой статус общественных объединений коренных народов арктических государств: сравнительно-правовой анализ. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 22.

⁵⁵ См.: Федеральный закон “Об общественных объединениях” от 19 мая 1995 г. (ст. 27) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930; Федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” (ст. 1, 14).

⁵⁶ См. правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные в его определениях от 29 сентября 2015 г. № 2003-О, от 6 октября 2015 г. № 2004-О и др. // СПС “КонсультантПлюс”.